

Резеда Шайхнурова САПФИР

*Посвящается Галии
Апкиной,
дочери, матери,
бабушке...*

Книга первая

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Глава I

Отец и дочь

Он в ней нашел
утешение,
Она в нем и мать, и
отца...

Бриллити читала в беседке в саду, когда отец окликнул ее к завтраку. Чтению она посвящала все свое свободное время; книги были ее отдушиной, самым страстным ее увлечением. Эта романтическая девушка обожала погружаться в мир восхитительных любовных историй. Она всегда завидовала главным героиням своих бесчисленных романов и мечтала когда-нибудь реализовать судьбу одной из них.

Бриллити Роуз Даймонд не знала другой жизни, кроме той, которой жила свои 17 лет, но почему-то ей с детства казалось, что она рождена для иного, что ее ждет прекрасное будущее, в котором юная англичанка станет женой

благородного мужа — известного графа или лорда — и матерью умных и красивых детей — храброго мальчика и хрупкой девочки. Однако день шел за днем, неделя за неделей, а мечта так и оставалась мечтой. Но мисс Даймонд никогда не унывала, она была оптимисткой до мозга костей. Этим необходимым для жизни качеством ее наградила мать Розмари Даймонд, в девичестве Бейли, которая, будучи незрячей всю свою сознательную молодость, все же хранила и в душе, и в сердце благодарность Богу за возможность быть любимой дочерью и женой и любящей матерью для своей малютки. А Бриллити, даже лишившись матери в 10 лет в результате несчастного случая, смогла найти в себе силы жить ради отца, перевести на него всю любовь и привязанность ребенка к родителю. И эти чувства были взаимными. Питер Даймонд безгранично любил дочь, а после смерти жены, когда Бриллити осталась единственным для него родным существом, особенно привязался к ней. С момента потери любимой мистер Даймонд стал все делать для благополучия дочери, всем нутром осознавая, что теперь вся его жизнь заключается в ней одной, вернее сказать, зависит от нее.

— Все читаешь?

Отец устал ждать дочь в столовой, поэтому решил лично посадить ее за обеденный стол, пока еда не остыла.

— Не могу оторваться от этой сцены, где Анна признается королю Генриху в любви, — прошебетала Бриллити, целуя отца в лоб. — Только бы он не казнил ее, если она родит ему не сына! И почему мужчины вечно хотят сыновей? Неужели сыновья любят родителей больше, чем дочери? Вот ты, папа, счастлив, что у тебя есть я?

— Безумно, дорогая! — с гордостью воскликнул Питер Даймонд. — Я не променял бы тебя и на сотню сыновей. Ты же знаешь, что дороже мне всех на свете!

— Ну-ка, докажи!

Этот приказ мисс Даймонд отдавала всякий раз, как отец пытался ее в чем-то уверить. И мистер Даймонд, желая убедить дочь, покрыл ее лицо и макушку поцелуями.

— А теперь ты мне веришь? — спросил он, заранее зная ответ.

— Верю, папочка! — выкрикнула Бриллити и бросилась отцу на шею. — Идем завтракать!

За чашкой утреннего чая с молоком мисс Даймонд вспомнила об одном странном событии, которое наблюдала накануне. Через дорогу от них стоял заброшенный замок, который соседи прозвали зловещим оттого, что когда-то давно его хозяин задушил в нем своих жену и детей и повесился сам. С тех пор к этому дому никто и никогда не подходил, а наследник лорда Кингсли

так и не объявился. Великолепный одно время сад превратился в огромный запущенный кустарник, где воцарился мрак, который, сгущаясь то здесь, то там, ниспадал наподобие вуали. Дом, где жили Даймонды, тоже когда-то был построен предками Кингсли специально для слуг, но впоследствии продавался отдельно от замка.

А несколько недель назад в этом особняке поселились какие-то люди; за короткий срок они преобразили адское поместье, расчистили от сорняков сад. Казалось, теперь он, созданный когда-то, чтобы скрывать тайны бесчеловечности, был вновь удостоен чести раскрыть всю красоту растительности, и имевший в свое время весьма подозрительную репутацию, снова стал девственно стыдливым, превратившись в храм из зелени и полусвета.

— Папа, вчера днем я проходила мимо Кингсли-Холла и, представляешь, вместо него увидела дворец, клянусь тебе! Словно камень обернулся бриллиантом, — увлеченно поведала Бриллити отцу.

— Милая, я же просил тебя обходить этот замок стороной! Не нужно тревожить души несчастных его обитателей.

Мистер Даймонд холодел при каждом упоминании об «особняке смерти».

— Но сейчас это уже не ужасный замок! Один

из рабочих сказал мне, что в нем в скором времени поселится какой-то граф. Он выкупил его у двоюродной правнучки лорда Кингсли — единственной живой наследницы, которая, судя по всему, с легким сердцем передала права на особняк чужаку.

— Чужаку?

— Да. Рабочий проговорился, что дом готовят для иностранца.

Теперь понятно, почему он купил этот страшный замок — по неведению. Если б покупатель был англичанином, то до него еще до сделки дошла бы дурная слава имени Кингсли.

— Как чудесно, что этого не произошло! — воскликнула Бриллити, предвкушая новое знакомство.

Ее всегда огорчало, что их дом находится далеко от соседних, и придти к кому-нибудь на бал было целой проблемой, ведь юной особе приходилось выходить за полтора часа до мероприятия, а прогулочной коляски у них не было. Теперь же появилась надежда, что вместе с графом приедет его семья.

— О, я знаю, как тебе одиноко, моя птичка! — пожалел дочь мистер Даймонд. — Совсем не с кем поговорить, кроме отца.

— Не говори так, папа! Ты мне очень нужен и дороже всех на свете.

— О, родная!

Мистер Даймонд обнял Бриллити, глаза его наполнились слезами счастья и одновременно печали. Он мысленно поблагодарил Бога за то, что хотя бы дочь скрашивает его старость, но покаялся, что проклинал Всевышнего после гибели жены.

Спустя месяц, произошло долгожданное событие. В субботу вечером к замку подъехала элитная карета. Внутри она была обшита синим бархатом, а сидение выделано из овечьей шкуры, дубовые колеса звучно цеплялись за каменистую дорогу, из-за чего приезд гостя не мог остаться незамеченным.

— Папа, папа, они приехали! — закричала Бриллити, увидев из бокового окна с восточной стороны дома щегольскую повозку. — Иди же скорей! Кучер уже открывает дверцу.

Мистер Даймонд присоединился к дочери, и они вместе стали наблюдать, как из коляски вышла темная фигура и направилась к воротам. Судя по конституции тела, это был граф, который грациозной, но, в то же время, мужественной походкой подошел к дому, потом обернулся и отдал какое-то поручение слуге.

— А где же жена и дети? — разочарованно спросила Бриллити. — Неужели граф не привез их?

— Не огорчайся, дорогая. Граф сначала

должен осмотреть дом, возможно, внести какие-то поправки. Вдруг рабочие что-то не доделали или забыли сделать, а его жена, может быть, привередлива в мелочах. Вот, когда он уверится, что супруга будет довольна, тогда и привезет ее с детьми.

— Ты уверен, папа? — с надеждой обратилась Бриллити к отцу.

— Ну, конечно, глупышка!

— Хорошо. А сейчас давай поздороваемся с графом!

И девочка выбежала из комнаты.

— Дочка, куда ты? Стой! — пытался остановить ее Питер. — Уже поздно, и невежливо будет вламываться в чужой дом, когда его хозяин устал с дороги и, наверное, ложится спать. Да остановись же ты, стрекоза!

Мистер Даймонд схватил дочь за запястье у самого выхода и стал убеждать ее в том, что лучше будет наведаться к графу утром следующего дня. Бриллити никак не хотела соглашаться, но под напором отца вынуждена была сдаться.

В воскресенье утром отец обнаружил дочь готовящей что-то на кухне.

— Родная, ты уже встала!

— Доброе утро, папочка! Я проснулась около 7 часов.

— Зачем же, милая? Поспала бы подольше!

— Тогда бы я не успела приготовить запеченные яблоки в вишневом сиропе, которые готовила раньше мама. Папа, надень что-нибудь нарядное! Граф должен увидеть нас в респектабельном виде.

Питер с дочерью вышли из дома в четверть одиннадцатого. Была пасмурная погода, и озоновый аромат уже предвещал приближение дождя, а из леса доносился пьянящий запах жимолости, который заглушал сладкие нотки лакомства, что так бережно несла в озябших руках Бриллити.

Снаружи особняк графа был облицован кирпичом с отделкой деталями из белого тесаного камня, что характерно для любой архитектуры тюдоровской династии XVII века. Вместе с дивным садом, окружавшим здание, замок выглядел довольно живописно. Бриллити поразило, как с приездом графа зловещий замок превратился в Эдем. Она и дальше наслаждалась бы видом замечательного особняка, любовалась его переменами к лучшему, если бы не окоченевшие пальцы рук, державших поднос с десертом для графа. Но дрожащие от холода конечности не могли стать препятствием для юной девушки, которая с мечтательным и блуждающим взором упорно шагала по неровной дороге.

Наконец, она с отцом оказалась возле огромной двери. С любопытством взглянув на

стальную ручку, которая представляла собой львиную голову с раскрытой пастью, мисс Даймонд постучала.

Глава II

Знакомство

И темперамент, и
харизма,
Что это: дар или
помеха в жизни

Дверь открылась, и на пороге появился граф. На нем был фрак из тонкого сукна, черные туфли с пряжками, жилет в вертикальную полоску с карманами, в одном из которых блестели золотые часы на цепочке. Это был очень красивый мужчина высокого роста и крепкого телосложения. На вид ему было около тридцати с лишним лет. Наружность графа отличалась от наружности англичан и цветом кожи, и цветом волос, а также формами носа и губ. Сразу можно было сказать, что это не типичный европеец: смуглая бархатистая кожа, густые черные ресницы и блестящие смоляные, слегка выющиеся волосы до плеч особо выделяли аристократа среди толпы северян. Его

кожу оттеняли синие, как пасмурное небо глаза, и весь он был так притягателен, что невозможно было отвести глаз. У графа был прямой нос, карамельного цвета губы, волнообразный контур которых подчеркивал их припухлость, и даже сквозь плотный костюм можно было заметить его мускулистость.

Бриллити, которая в жизни своей не видела такого типа мужчин, замерла, раскрыв рот. Иногда встречая безликих юношей на редко проводимых в графстве балах, она и представить себе не могла, что красота противоположного пола может быть так ярко выражена.

Хозяин дома поприветствовал гостей широкой улыбкой, и девушка машинально ответила ему тем же. Она стояла впереди отца, поэтому не видела, какое впечатление оказал граф на Питера Даймонда. А тот, в свою очередь, стоял бледный, брови его были приподняты, а уголки рта опущены, ноги в коленях дрожали — в общем, весь его облик в данный момент представлял собой нелепое подобие статуи.

— Доброе утро, граф! — звонко и приветливо поздоровалась Бриллити. — Мы с отцом — Ваши соседи, живем через дорогу от Вас. Меня зовут Бриллити Роуз Даймонд, а позади меня стоит мой папа, Питер Даймонд. Вот! — произнесла она, выставляя вперед поднос с угощением. — Надеюсь,

Вам понравится.

— Сейчас и узнаем! — отозвался аристократ, жестом приглашая гостей в парадный зал. — Прошу Вас, заходите!

— Благодарю Вас!

Бриллити зашла первой, Питер нехотя за ней. В центре особняка размещался холл, богато украшенный резными дубовыми панелями, на которых были развешаны охотничьи трофеи, оружие и портреты именитых предков лорда Кингсли. Высокий потолок был покрыт лепниной; по одну сторону холла располагались жилые комнаты, по другую — хозяйственные помещения. Посреди гостиной находился доходивший почти до потолка камин, отделанный коралловыми кирпичами с каминной доской из красного дерева и облицованный природным камнем. Вокруг камина располагалась мягкая мебель, которую покрывали фиштакхового цвета чехлы. В центре стоял невысокий столик из твердой породы дерева, на полу лежал шерстяной ковер с ярким рисунком. Характерной деталью дома была широкая лестница в холле, украшенная скульптурами и резными деревянными перилами, причудливым образом закрученными в спираль.

Гостя с отцом уселись в большой мягкий диван справа от камина, возле окна, а граф — чуть поодаль от них на кресло. Он закинул одну ногу на

вторую, лодыжкой касаясь колена, свободно раскинул руки на подлокотниках, всем видом показывая, что он здесь хозяин.

— Очень рад, что уже на второй день моего пребывания в этом поместье, меня навестили соседи, — произнес он, окидывая беглым взглядом пришедших.

Бриллити отметила про себя акцент аристократа. Он говорил более мягким тоном, нежели англичане, не так четко выговаривал буквы, как подданные королевства, к тому же, в его речи присутствовал пафос, чувствовалась внутренняя харизма этого человека. Было видно — он знает себе цену и следит за своей внешностью.

— Прошу прощения! Я, кажется, не представился. Граф Сапфир Нарцис Альвадис.

— Какое удивительное имя, — заметила гостя. — Кто из родителей окрестил Вас им?

— К сожалению, от отца, коренного жителя монархии, мне достался только титул, а имя подарила мне мать — гречанка. При моем рождении она обратила внимание, что мои глаза сверкают, как два сапфира, и напоминают ей драгоценные камни.

— Она была права, граф Альвадис, — согласилась мисс Даймонд. — Ваши глаза действительно сияют, как сапфиры. Но самое примечательное, что в Вас присутствуют и южный

темперамент, и северная выдержка.

— Благодарю! Кстати, перед Вашим приходом я как раз собирался позавтракать. Не соблаговолите ли Вы разделить со мной трапезу?

— С удовольствием! Если папа будет согласен, — робко ответила Бриллити, обернувшись на отца.

— М-м, пожалуй, — не поднимая головы, отозвался Питер.

В его голосе чувствовалось напряжение, не ускользнувшее от слуха дочери. Граф с нескрываемым любопытством смотрел на соседа; казалось, он изучает Даймонда. Чуть погодя и хозяин замка, и гости сидели за большим овальным столом в столовом зале, который уже был накрыт всем необходимым. На светлой скатерти посреди стола находилась корзинка с белым хлебом «пандернейн» — хлебом лучшего качества, выпеченного из несколько раз просеянной пшеничной муки. Он, конечно, не мог сравниться с ячменным хлебом или овсяными лепешками, которыми обычно довольствовалась семья Даймонд. Рядом с Альвадисом стояла большая тарелка с жареной камбалой и картофельным гарниром, а ближе к гостям в глиняной посуде располагался маринованный лосось с петрушкой, недалеко от него в серебряном тазу томились кусочки аппетитного карпа в сливочном соусе.

Возле корзины с хлебом, на подносе красовалась жареная утка с золотистой корочкой, а копченые свиные окорока дополняли всю эту роскошь великолепным ароматом. В больших тренчерах из ржаной муки были утрамбованы небольшие кусочки поджаренной оленины, мягкий сыр был поставлен рядом с чизкейком — творожным пирогом. В кастрюлю был налит бульон с вареными овощами и мясом в качестве похлебки. Еще много разных деликатесов, от которых ломился стол, поразили воображение гостей, но они пытались скрыть свое удивление и забыть о той скудной еде, которая порой представлялась им пиршеством.

— Граф Альвадис, а кто накрывал на стол? — поинтересовалась Бриллити. — Входную дверь открыли нам Вы, никого из прислуги я не увидела.

— Еще перед моим въездом в Кентербери нанятые кухарки приготовили все эти блюда и украсили ими стол, поэтому прошу прощения, если еда остыла. А что касается прислуги вообще, то ее у меня нет. Не терплю чужих в доме, — без тени смущения ответил Сапфир.

Этот ответ несколько озадачил гостью. Сначала она предположила, что слуги придут позже, но серьезный тон хозяина дома не давал причин не верить ему и переложить «вообще» на шутку.

— Но как же Вы обходитесь без дворецкого,

мажордома, придворного и горничных в таком большом замке?

— Не беспокойтесь, мисс Даймонд! Я с детства привык к самостоятельности и в силах обходиться без посторонней помощи.

— Не хотите же Вы сказать, что делаете уборку сами и готовите еду без помощи повара!

— Так и есть, мисс Даймонд. Хотя уборкой помещений я могу пренебречь, так как не намерен надолго задерживаться в графстве, а на пыль, слава Богу, у меня аллергии нет. Продукты же раз в неделю мне будут поставлять местные торговцы и птицеловы.

— А разве Вы поселились здесь не навсегда? — разочарованно спросила Бриллити.

— Нет. В Англии осталось одно дело, которое я должен выполнить как можно скорее, — не вдаваясь в подробности, пояснил Сапфир и взял в рот толстый кусок оленины.

— Значит, Вы не перевезете сюда свою семью? — настаивала гостья.

— Я не женат, мисс Даймонд, и приехал в Кент один, — объяснил Альвадис, проглотив мясо.

Ответ графа вместо того, чтобы утолить любопытство Бриллити, лишь вызвал у нее всплеск новых вопросов. В ее понимании каждый зажиточный господин солидного возраста должен иметь жену и как минимум одного наследника,

которому можно было бы завещать свое имущество.

— Когда же Вы собираетесь обзавестись семьей, ведь время не ждет, и, говоря прямо, Вы уже не так молоды, чтобы продолжать холостяцкую жизнь?

Питер Даймонд в это время молча разжевывал филе рыбы, с интересом наблюдая за происходящим, и не торопился вмешиваться в диалог дочери с иностранцем. А собеседник Бриллити лишь рассмеялся на подобное замечание. Его позабавила девичья прямота и непринужденность в общении, и импонировал отказ гостыи от условностей.

— Простите, граф Альвадис! — извинилась через секунду Бриллити, осознав свое невежество. — Вы вправе были осечь меня.

— Зачем же? Вы лишь сказали то, что думали.

— Но я в первый же день нашего знакомства продемонстрировала свою невоспитанность.

— Ничего страшного, мисс Даймонд, я не обиделся.

Сапфир воспользовался моментом, когда смущенная гостыя, краснея, опустила глаза, и оценивающе посмотрел на нее. «А эта девочка хороша, — отметил он про себя. — Юная искусительница. Представляю, как уже через год ее будут атаковать поклонники». Бриллити

действительно была красивой девушкой: у нее были длинные каштановые волосы, большие зеленые, чуть раскосые глаза, отчего взгляд ее казался особенно выразительным. Своих полных губ Бриллити стеснялась. Это было заметно по тому, как она сжимала их, если замечала, что граф на нее смотрит, хотя они лишь украшали ее миловидное личико. Фигура у нее уже была сформирована и изящно скрывалась под одеждой, обтягивающей ее тело от шеи до щиколоток.

«И зачем женщины так тщательно прячут свои достоинства под длинными платьями?» — продолжал думать про себя Альвадис. Его мысли прервала Бриллити.

— Граф Альвадис, Вы сказали, что проживете здесь недолго. Почему же Вы выбрали именно этот замок, ведь о нем по всей округе гуляет плохая слава? Разве Вас не предупредили о том, что именно в нем ревнивый муж убил своих жену и детей, а потом покончил с собой?

— Прошлое этого замка и побудило меня к покупке, мисс Даймонд. Черная душа зловещего имени сольется воедино с темной стороной моей души, а его сердце будет биться в унисон с моим.

Бриллити не совсем поняла, что хотел сказать этим аристократ, но ей стало не по себе.

— А вторая причина, по которой я приобрел этот особняк, мисс Даймонд, — это схожесть его с

замком Лидс (Leeds Castle) — одним из самых известных в мире замков, который находится не так далеко отсюда.

— Еще странно, что из-за столь короткого пребывания Вас в имении Вы все-таки решили сделать в нем ремонт. Я около двух месяцев наблюдала, как сотни рабочих непокладая рук реставрировали и переделывали многие части здания.

— Мне хотелось, чтобы здесь было уютно и комфортабельно, в первую очередь, для моего удобства. Я ответил на Ваши вопросы?

— Да, благодарю, хотя Вы не обязаны были отчитываться передо мной.

— Мне было не в тягость.

Тут Сапфир переключил свое внимание на отца Бриллити, который на протяжении всего разговора не издал ни звука.

— Я вижу, Вы скучаете, мистер Даймонд, — надменно произнес он, промокнув салфеткой губы.

Питер поднял глаза на хозяина дома, но, казалось, он смотрит сквозь него, взгляд его был мутным. Наконец, он собрался с мыслями и нехотя вымолвил:

— Милая, боюсь, мы задержались у графа. Ему, должно быть, хочется отдохнуть. Поблагодари его за гостеприимство, и пойдем!

— Я рада нашему знакомству, граф

Альвадис, — искренне сказала Бриллити и встала из-за стола.

— Взаимно, мисс Даймонд.

— Надеюсь, Вы примете наше с папой приглашение на завтрашний обед!

— Если мистер Даймонд этого желает, то с удовольствием, — отозвался Сапфир, провожая гостей к выходу.

Бриллити взяла отца под руку и взглядом побудила его к верному ответу.

— Конечно, граф, — сухо присоединился Питер к решению дочери и вышел с ней за порог замка.

Глава III

Размышления

Горячей лавой
влился он
В размеренную
правилами землю

По дороге домой мистер Даймонд не произнес ни слова, хотя его дочь ожидала, что он обменяется с ней впечатлениями от знакомства с новым соседом. Вернувшись в родное гнездо, он также

молча зашел в библиотеку и запер дверь изнутри. Вышел оттуда Питер только к ужину, но и там можно было услышать лишь его тяжелое дыхание и странные вздохи. Бриллити даже стала винить себя в том, что чересчур раскованно вела себя у аристократа, и это могло не понравиться ее отцу. Но дело было не в этом. Его голова была занята какими-то грустными мыслями, он смотрел в одну точку и хмурил лоб, словно раздумывал над какой-то неразрешимой проблемой. Обнаружив по истечении некоторого времени нетронутый гороховый пудинг в тарелке отца, Бриллити набралась смелости и спросила его:

— Папа, ты болен?

Реакции не последовало. Казалось, Даймонд даже не услышал ее.

— Зачем? — едва разомкнул он губы. — Зачем?

— Что «зачем», папа? — громче спросила Бриллити и взяла отца за руку.

Питер отдернул руку и посмотрел на дочь.

— Папа, ты пугаешь меня!

— Что-то случилось? — наконец, произнес он.

— Ты совсем не замечаешь меня, не говоришь со мной несколько часов, словно обижен за что-то!

— О, дорогая, на тебя не за что обижаться! Знаешь, я очень скучаю по твоей матери! Каждый

раз, глядя в твои зеленые глаза, я вспоминаю ее.

— Мне ее тоже не хватает, папа. Надеюсь, Всевышний заботится о ней в Раю, а может, наоборот, она помогает ему.

— Розмари всегда всем оказывала неоценимую помощь. Уверен, Господу она заменяет правую руку на небесах. Родная, а что ты думаешь о греке? — вдруг поинтересовался Даймонд.

— Граф Альвадис привлекателен, уверен в себе и, судя по лексике, образован. А какое впечатление он произвел на тебя?

— Неприятное.

Бриллити вопросительно взглянула на отца.

— Я не доверяю иностранцам. Тем более, у него все еще нет семьи, поселился в ужасном замке. Слишком много отталкивающего в нем.

— Папа, но это глупо — избегать графа по таким причинам!

— В любом случае, постарайся, по возможности, не встречаться с ним и не уделять ему слишком пристального внимания за завтрашним обедом!

— Я все же думаю, он достоин человеческого отношения к себе и не виноват в своем одиночестве.

— Ты не знаешь людей, дорогая. Слава Богу, в мире больше добрых людей, но встречаются и

плохие, которые могут причинить вред.

— Все-таки у меня граф вызвал только симпатию. Уверена, ты ошибаешься в нем, папа, — стояла на своем мисс Даймонд.

Она поцеловала отца в лоб и поднялась к себе в комнату, а ее старик еще полночи просидел на кухне, обдумывая служившуюся ситуацию. Он не знал, как убедить дочь в подозрительности аристократа, но не желал мириться с третьим персонажем в своей дотоле спокойной и предсказуемой жизни.

На следующий день, как и обещал, Сапфир явился после полудня. В руках он держал кашемировую шаль, предварительно купленную утром в городе.

— Какая прелесть, граф Альвадис! Но я не могу принять Ваш подарок. Папа не одобрит, — застенчиво отказалась Бриллити.

— Глупо, мисс Даймонд, — запротестовал грек. — Я специально отправился в цент города сегодня утром в пасмурную погоду, чтобы приобрести для Вас это замечательное покрывало.

— Тогда позвольте мне спросить разрешения у отца.

— Это Ваше право, мисс Даймонд.

Девушка проводила гостя в главный зал, усадила на софу и отправилась за Питером в его

кабинет. Услышав имя аристократа, тот изменился в лице, визит Сапфира его неприятно удивил, хоть он и подтвердил накануне желание дочери пригласить его.

— Безмерно рад Вашему приходу, граф! — явно лицемерил Даймонд. — Но, боюсь, наш стол не так богато накрыт, как Ваш во время вчерашнего завтрака.

— Благодарю за беспокойство, мистер Даймонд, но у меня крепкий желудок, — ехидно намекнул сосед.

По дороге в столовую Бриллити не случайно обратила внимание на внешний вид грека. Настоящий щеголь, он был одет в классический черный пиджак из твида, узкие брюки, рубашку с высоким белым воротничком, а до этого он еще снял шляпу-котелок и оставил в прихожей черный зонт.

Меню Даймондов действительно было скудным: салат с репой и капустой, луковая похлебка с молотым миндалем, отварная форель, мясной пудинг, густые сливки в деревянной миске, хрустящие вафли и имбирная коврижка на десерт из сдобных специями хлебных крошек, смешанных с медом.

— Все не так плохо, мистер Даймонд! — воскликнул Сапфир, взглянув на яства. — Крестьяне в былые времена и за это целовали бы

ноги своему господину.

— Надеюсь, Вам понравится, граф Альвадис, — заискивающе произнесла Бриллити. — Все, что Вы видите на столе, готовила я по рецепту мамы.

— Чего же мы ждем? — будто специально перебил ее отец. — Еда стынет. Пора садиться за стол.

— Перед обедом я обычно выпиваю стакан шотландского виски, — вдруг закапризничал аристократ. — Не смогли бы Вы угостить меня?

— К сожалению, граф, я не употребляю крепких напитков, — оправдывался Питер. — Но в кабинете я держу графин с элем. Может, Вы соизволите отведать?

— Я такого не пью, — брезгливо заметил грек.

— Ах, я совсем забыла, что приготовила вчера кодл¹ для папы! — попыталась разрядить обстановку Бриллити. — Великолепный бодрящий напиток! Вам понравится.

— Не сомневаюсь, мисс Даймонд, — игриво шепнул гость. — Все приготовленное Вашими руками заранее обречено стать шедевром.

Бедная девочка, не слышавшая комплимента в

¹ Кодл — смесь вина с яйцами, молоком и сахаром.

свой адрес, кроме как от отца, покраснела до ушей. Но, видел Бог, Альвадис ел через силу, да и не особо скрывал этого, хотя блюда были отменными, правда, не для высшего сословия. Бриллити заметила это и сникла, из-за чего минут десять за столом царила полная тишина.

— Кстати, — прервал молчание Сапфир, — а где хозяйка дома?

Бриллити и Питер подняли голову. Глаза второго метали молнии. Его больно ранил этот вопрос.

— Она умерла? — продолжал граф.

— Мне было десять лет, когда мама упала с обрыва. Она была слепа и не видела, куда ступает, — объяснила мисс Даймонд.

— Вы омрачаете наш обед, граф Альвадис, — сквозь зубы произнес Даймонд.

— Мне очень жаль, — неуверенно оправдывался грек.

На глаза Бриллити навернулись слезы. Она пыталась сдержаться, но соленые капельки безжалостно текли по ее щекам, обжигая кожу.

Сапфир с юности не мог вынести, когда представительницы слабого пола плакали, и отвернулся. Он не понимал, почему женщины так часто дают волю эмоциям и рыдают по любому поводу и без. Иногда это его просто раздражало. Жалости к ним в этот момент он не испытывал и по

возможности старался оставить их наедине со своими переживаниями. Его могли назвать жестоким и бесчувственным, но сам аристократ объяснял такое отношение к женским печалям и страданиям тем, что их слезы портят ему дотоле веселое настроение.

— Простите меня! — извинилась девушка, всхлипывая, и вышла из столовой.

Грек провожал ее взглядом, когда Питер предложил проводить его до двери. Граф посмотрел на хозяина дома и, задернув нос, прошипел:

— Можете не утруждать себя! Я найду выход.

После его ухода отец поднялся к дочери в комнату.

— Папа, зачем ты оставил гостя одного? Я уже успокоилась!

— Он ушел, дорогая.

— Ушел! Но...но... Я все испортила, — укоряла себя Бриллити.

— Нет, это он испортил, милая. Я прошу тебя не принимать больше его приглашений.

— Это опрометчиво, папа. Граф Альвадис не плохой человек, просто не знает английского этикета.

— Возможно, но у него ужасные манеры, и я хотел бы, чтобы ты хотя бы не заходила к нему без меня. Уж лучше пусть он временами посещает нас.

— Ты уверен, что это будет учтиво с нашей

стороны?

— Ты слишком увлечена тем, что подумает про нас этот надменный аристократ. На мой взгляд, его вполне устраивает одиночество, раз он поселился в огромном замке без жены, без слуг. Он вообще какой-то странный и не вызывает у меня доверия.

— Надо дать ему шанс, папа. Может, одиночество — это не его желание, а его проклятие. И нужно помочь ему. Мама бы так сделала.

— У тебя доброе сердце, родная, — снисходительно произнес Даймонд и поцеловал дочь.

Глава IV

Непослушание

Что манит нас, то не
пугает,
Но что пугает —
манит нас...

На следующее утро, позавтракав, Брилли, как обычно, пошла прогуляться в саду перед чтением. Она любила дышать свежим воздухом, особенно если накануне шёл дождь. Но в этот раз

мисс Даймонд недолго пробыла в саду. Проходя мимо особняка Сапфира, она увидела, как он рыхлит землю под какими-то кустами зубчатой лопаткой. Бриллити ещё вчера их заметила, но не смогла разглядеть цветы, растущие на них. Помня о предостережении отца, она всё же не смогла себя перебороть: ей очень хотелось узнать, что грек выращивает в своём саду, поэтому открыла калитку соседа.

Остановившись возле него, гостья кротко поприветствовала хозяина замка. Он слышал, как шуршала под её ногами трава, когда она приближалась к нему, поэтому даже не оглянулся, чтобы взглянуть на посетительницу.

— Что Вас ко мне привело в такую рань, мисс Даймонд? — безразлично спросил он.

Сапфир даже не посчитал нужным поздороваться с девушкой. Его лишь волновала причина её прихода без сопровождения отца.

Бриллити растерялась от подобного обращения, ведь граф сидел в её присутствии, повернувшись спиной.

— Я заметила, Вы что-то выращиваете в саду...

— Это разносортные розы. Пока я был в Греции, велел поверенному дать команду садовникам рассадить их черенки, чтобы по приезду только поддерживать их цветение.

— Розы! А почему именно эти цветы?

Альвадис встал и посмотрел на гостью.

— Я расскажу Вам позже, мисс Даймонд, — сказал он, лукаво щуря глаза, — когда настанет время. Да Вы дрожите, как осиновый лист!

— Сегодня прохладно, а я забыла накинуть шаль. О, Боже!

— Что случилось?

— Я ведь так и не рассказала папе про Ваш подарок!

— Ничего страшного, мисс Даймонд, ещё успеете. Так что же мы стоим? Пойдёмте внутрь, выпьем горячего чаю! Кстати, я забыл вчера похвалить Ваши запеченные яблоки. Они были просто изумительны.

— Я очень рада, но, к сожалению, не могу зайти к Вам. Нужно готовить обед. Мы с отцом обедаем рано.

— Глупости! — воспротивился аристократ. — Мистер Даймонд, я думаю, взрослый человек и не умрёт с голоду без Вас!

— Наверное, Вы правы, — неуверенно подтвердила гостья. — К тому же, я не задержусь надолго, правда!?

— Конечно.

Сапфир взял соседку за локоть и повёл в дом. Они выпили чай, немного поговорили, и Бриллити скоро ушла.

Её отец в это время стоял на крыльце, выискивая глазами дочь, и был изрядно удивлён, когда увидел её выходящей из замка грека. Бриллити спешила Питеру навстречу, боясь его разгневать, ведь раньше никогда не совершала чего-то, вопреки отцовской воле. Ей было страшно встретиться с ним взглядом и услышать слова укора, но, переборов себя, она всё же подошла к нему.

— Что ты делала у графа, Бриллити Роуз? — спросил Даймонд, когда дочь поравнялась с ним.

Полным именем он называл её, если был ею недоволен.

— Прости, папа! Я хотела посмотреть цветы, которые растут у графа Альвадуса в саду. Потом он пригласил меня на чашку чая.

— Почему ты согласилась?

— Хотела согреться немного. Сегодня холодно, и я продрогла до костей.

Питер почувствовал по голосу дочери, что она раскаивается. Ему стало жаль её, ведь, в сущности, она ни в чём не была виновата.

— Прости своего чересчур заботливого папочку, дорогая! Зря я упрекаю тебя, да и не за что.

— Тебе не нужно извиняться, папа. Давай лучше забудем эту глупую размолвку и пойдём обедать!

— Ты, как всегда, права, родная. Точная копия своей мамы.

Этот день отец и дочь провели в библиотеке за чтением. Бриллити никак не могла сконцентрироваться на тексте: её мысли витали где-то в облаках. Она то и дело вспоминала лицо Сапфира, такое необыкновенное и озорное. У него никогда не было одинакового выражения лица, что присуще почти всем англичанам; каждый его жест, каждое слово сопровождалось чувственной мимикой.

«Зря папа опасается грека, — рассуждала мисс Даймонд про себя, — ведь его иностранное происхождение ничуть не умаляет его мужских достоинств». Бриллити вновь хотела пройтись возле особняка графа и увидеть едва распустившиеся бутоны разноцветных роз. Но она знала, что отец может наблюдать за ней во время прогулки, поэтому стала обдумывать занятие для него.

— Папа — ласково обратилась она, — кровать в моей спальне уже неделю держится на сломанной ножке. Ты не мог бы её починить?

— Конечно милая! Только сделаю это позже. Сегодня я хотел пойти с тобой к мистеру Клейтону в его лавку. Нужно взять в кредит несколько фунтов мяса, муки и масла. Ещё ты хотела зайти в книжный магазинчик миссис Лоуренс. Она, вроде бы, обещала отдать тебе произведения Шекспира за

полщены. Выходим через двадцать минут!

— Выходим?

— Да.

— Но это же почти три мили! И ты хочешь пройти это расстояние пешком?

— А как ещё дорогая? Мы всегда так ходили, и ты не жаловалась.

— Но ты мог бы попросить коляску у миссис Уотсон из соседнего дома! Она бы не отказала.

— Ты же знаешь, родная, я не люблю просить.

Бриллити нахмурилась. Её совсем не соблазняла мысль идти по мокрой и бугорчатой дороге в такую даль. Потом, она вспомнила, как аристократ в их утренней беседе предложил обращаться к нему по любому поводу, в том числе обещал одалживать ей свою повозку. Мисс Даймонд сообщила об этом отцу, но тот и слышать не хотел. Он не желал унижаться перед иностранцем. Слишком гордой была его натура.

После изнурительного похода в город и дочь, и отец, не чувствовавшие от огромной усталости ног, забыли даже об ужине и рано легли спать.

Утром Бриллити напомнила Даймонду о поломке в её кровати и отправилась на прогулку. Она сразу свернула у крыльца и напрямик направилась к дому Альвадаса. Почему она должна избегать встреч с графом, если он ей нравится и с

ним интересно? Никто никогда не рассказывал Бриллити историй о жизни греков, индусов, египтян, которые так красочно поведал ей Сапфир вчера. Никто не делал ей столько комплиментов. Жизнь этой девушки была так скучна и однообразна до него, теперь же у неё появился шанс познакомиться с бытом богатого и беспечного аристократа, окунуться в его весёлый мир, где не надо было жить по правилам чуждого и непонятого ей общества.

— Мисс Даймонд! — воскликнул хозяин дома, открыв дверь и впустив гостью внутрь. — Что на этот раз привело Вас ко мне?

— Ваши истории о Востоке, граф Альвадис — неуверенно произнесла Бриллити.

Сапфир заметил лёгкую дрожь в голосе соседки, что навело его на мысль об иной причине её визита.

— Вы не совсем откровенны со мной, — нагнув голову, проговорил он.

Девушка стыдливо затеребила кружево на рукаве своего платья и пыталась скрыть так некстати выступивший румянец на щеках, отвернув лицо в другую сторону.

— Ох, я забыла про очень важное дело! — внезапно вспомнила она. — Мне же надо...мне надо...Отец ждёт меня!

И Бриллити заспешила обратно.

— Вы не можете так уйти!

Грек перегородил ей дорогу.

— Я не хотел напугать Вас, — пытался он успокоить. — Ну же, мисс Даймонд, забудьте моё глупое замечание!

— Вы вовсе не напугали меня, граф Альвадис. А Ваше замечание было к месту. Я действительно пришла не за рассказами. Мне просто очень скучно дома, а в Вашем обществе так легко.

— Вы не представляете себе, как я рад это слышать, мисс Даймонд. Давайте присядем!

Бриллити приняла приглашение хозяина дома, и они прошли в гостиную.

— Вы позавтракали? — учтиво осведомился аристократ, усаживая гостью на диван.

— О, да, граф Альвадис! Не беспокойтесь!

— И как Вы только успеваете приготовить и съесть завтрак до 10 часов?

— Я помню, мама всегда звала папу в это время в столовую. После её смерти я хотела, чтобы отец чувствовал её присутствие.

— Вы слишком рано повзрослели, мисс Даймонд. Не каждая дочь в вашем возрасте смогла бы так заботиться об отце. А какой была ваша мать? Расскажите мне о ней!

— Очень красивой: у неё были большие зелёные глаза, белая кожа, длинные волосы. Мама была очень доброй и нежной, любила папу...

— Вы, видно, всё ещё скучаете по ней, мисс Даймонд, — прервал её Сапфир.

— Безумно! Самое ужасное, что я не успела сказать ей всё то, что чувствую сейчас, и не знаю, слышит ли она те тёплые слова, которые я говорю ей в молитвах.

— На это и я не могу Вам ответить, мисс Даймонд, потому что сам не уверен, существует ли жизнь после смерти.

Беседу Бриллити и грека прервал сильный стук в дверь. Ни у кого из присутствующих не было сомнений в том, кто стоял на пороге дома. Гостья вскочила с места, как ужаленная, и подбежала к окну, чтобы воочию убедиться в своей правоте.

— Это папа, — пролепетала она. — Что мне делать, граф Альвадис? Отец не велел мне приходить к Вам одной.

Сапфир спокойно поднялся с места и подошёл к входной двери. Потом так же спокойно открыл её.

— Моя дочь у Вас? — послышался разгневанный голос.

Бриллити вышла из-за шторы.

— Я здесь, — произнесла она, чуть дыша.

— Ступай домой!

Мисс Даймонд безвольно побрела вдоль улицы, с опаской предвкушая наказание, которое Питер, должно быть, уже успел для неё придумать.

— А Вам, граф Альвадис, я бы посоветовал

выучить правила этикета, которые являются нормой в Англии! — язвительно выпалил Даймонд. — У нас неприемлемо приглашать к себе юных особ без сопровождения, тем более, когда в доме, кроме мужчины больше никого нет!

— Если бы юной особе не докучал излишней опекой, не ограничивал свободы и придумал для досуга что-нибудь поинтересней исторических эпосов отец, то, возможно, она не предпочла бы общество невоспитанного иностранца, — спокойно ответил аристократ.

Питер не желал продолжать словесный поединок, поэтому развернулся и ушёл. Ему было очень обидно, что продолжение его любимой женщины, родная плоть и кровь ослушалась его в очередной раз. Раньше она никогда не огорчала отца, но с появлением грека изменилась настолько, что стала перечить ему и в бескомпромиссной форме высказывать свои предпочтения, желания и намерения.

Глава V

Мужской разговор

Порою лицемерие и
хитрость,
Ютятся в сердце

верующего,
Однако он уверен в
том, что правда
Ядро всего, начало
сущего...

Даймонд сидел в библиотеке и подсчитывал скудные доходы, ежегодно приносимые его имением, когда во входную дверь постучали. Треск от костра в камине помешал ему услышать стук, поэтому он не шелохнулся с места. Вчера вечером он так и не поговорил с дочерью, боясь повисить на неё голос, да и слов, чтобы объяснить с ней, он не находил: было страшно потерять авторитет в её глазах.

Бриллити в этот момент читала очередной роман, который отложила, чтобы открыть посетителю дверь. Им оказался Сапфир. Он вручил ей жёлтую с розоватым оттенком розу на длинном стебельке. От этого цветка исходил такой великолепный аромат, что у девушки закружилась голова.

— Какой запах! — радостно воскликнула Бриллити. — Ваши розы уже распустились, граф Альвадис?

— Вчера. Я заметил это после вашего ухода.

— Как замечательно! Вы позволите мне

иногда приходиться и любоваться ими? Ах, нет...

— Снова отец! Он у Вас настоящий тиран, мисс Даймонд. Пора Вам, наконец, поговорить с ним серьёзно и потребовать иного к себе отношения.

— Могу я узнать цель вашего визита, граф Альвадис? — не желая отвечать на намёки грека, спросила Бриллити.

Гость прошёл в гостиную, не дождавшись приглашения, и разместился в мягком кресле.

— Я пришёл, чтобы поговорить с Вами, мисс Даймонд.

— Со мной? О чём?

Альвадис не успел поведать тему беседы из-за появления в парадной хозяина дома.

— Вы! — удивился Питер. — Почему ты не сообщила мне о приходе графа, Бриллити?

— Я...

— Она как раз намеревалась это сделать, мистер Даймонд, — вмешался аристократ.

— Ну, что ж! Тогда пройдёмте в мой кабинет!

Мисс Даймонд проводила взглядом отца с графом и вновь принялась за чтение. Её особо не интересовала тема разговора, прерванного Даймондом. Она была убеждена в том, что это касается её отношений с отцом. А по её мнению, никто не должен вмешиваться в то, как строятся взаимоотношения в их семье.

— Граф Альвадис, с вашим приездом моя дочь отделилась от меня, — без лишних отступлений начал Питер, заперев дверь кабинета на ключ. — И у меня есть все основания винить в этом только Вас, поэтому я вынужден просить Вас покинуть наше графство в ближайшее время.

Сапфир улыбкой дал понять, что не собирается разубеждать Даймонда в его выводе.

— Боюсь, мистер Даймонд, пока меня устраивает моё теперешнее местонахождение, и месяц другой я не съеду из Кингсли-Холла.

— Я знал, что безвозмездно Вы не исполните мою просьбу, граф, поэтому готов предложить Вам выгодную сделку.

— М-м, Вы меня заинтриговали, мистер Даймонд. Ни фунты ли стерлинги Вы имеете в виду в качестве отступного?

— Нет. Я предлагаю Вам моё молчание.

— И какую же ценность для меня представляет ваше молчание, мистер Даймонд?

— Высокую. Я не расскажу дочери о вашем позорном, достойном только осуждения прошлом.

— Так Вы шантажируете меня, мистер Даймонд?

— Если Вы так это называете, то да.

— А Вы не боитесь нанести дочери этим шагом душевную рану?

— Я не хотел бы этого, но если придётся,

пойду на жертву. Родная дочь поймёт меня.

— А что, если на мисс Даймонд ваше откровение не окажет должного влияния? Всё-таки это прошлое. Да, к тому же, я не совершил преступления, за которое мог бы потерять её расположение.

— Вы недооцениваете мою дочь, граф Альвадис. Она чистое, непорочное, высоконравственное существо. Правда опустит Вас в её глазах и бесповоротно.

— Что ж, Вы убедили меня в своей правоте, мистер Даймонд. Через три дня я навсегда исчезну из вашей с дочерью жизни. Но как Вы объясните ей мой отъезд?

— Я? Я не буду ей ничего объяснять. Это Вы попрощаетесь с ней через записку, которую я заблаговременно оставлю на крыльце своего дома.

— Вы всё предусмотрели.

— Это было необходимо.

— Перо и бумагу!

— Всё на письменном столе, граф.

— Диктуйте!

— Мистер и мисс Даймонд, — начал Питер, глядя в окно, — я вынужден покинуть Англию из-за срочных дел, возникших у меня на Родине. Мне было очень приятно познакомиться с вашей семьёй. С уважением, граф. Ваше имя и подпись.

— Довольно сухо.

— Скорее, официально.

— Как Вам угодно. А как быть с вашей дочерью? Не могу же я закрыть дверь перед её носом, если она решит посетить меня в эти дни.

— Об этом не беспокойтесь! Завтра днём я отправляю её к теще и тестю на выходные, а в понедельник подложу под дверь вашу записку с тем, чтобы она обнаружила её по приезду.

— Вы меня успокоили, мистер Даймонд. Больше от меня ничего не требуется?

— Нет, благодарю Вас. Я не буду Вам жать руку, если позволите.

— Что Вы! Я всё понимаю.

Питер с Альвадисом вышли из кабинета и прошли в гостиную. Бриллити встала, чтобы проводить графа. Когда она протянула ему руку для поцелуя, почувствовала в ладони шершавый клочок бумаги. Грек чуть заметно покачал головой, что подсказало мисс Даймонд оставить этот жест без внимания.

— До встречи, мисс Даймонд! — внушительно произнёс он и покинул негостеприимный дом.

После его ухода Бриллити поспешно поднялась в свою комнату и прочитала в записке: «Мисс Даймонд, завтра днём ваш отец хочет отправить Вас к бабушке на выходные. До вашего отъезда мне необходимо поговорить с Вами. Жду

Вас сегодня вечером, как только заснёт мистер Даймонд. Проходите в замок через сад, щеколда чёрного хода будет не заперта».

Через несколько минут к ней постучался Питер, чтобы сообщить о незапланированной поездке.

Глава VI Прошлое

Как жаль, что
невозможно боль и
чувства

Отсечь от
человеческой души...

Бриллити оказалась на кухне особняка. Было темно, и она не могла различить, куда ступает. На секунду ей даже показалось, что впереди стоит девочка. Её лицо странным образом светилось, и можно было заметить слезу, стекающую по её бледному личику. Мисс Даймонд отпрянула в сторону и ударилась о полку с кухонной утварью.

— Граф Альвадис! — закричала она от страха. — Граф Альвадис, я пришла!

— Не за чем так кричать, мисс Даймонд, —

послышался голос за её спиной. — Я был в саду. Вот, держите лампу! Кажется, я изодрал ладонь в шипах. Помогите мне перевязать руку!

Бриллити поставила лампу на стол и посмотрела на грека. Тень от его густых ресниц веером дрожала под глазами в такт огоньку.

— Подайте мне полотенце и нож слева от Вас, на комодe! — был отдан приказ.

— Здесь?

— Нет. Возле очага.

Мисс Даймонд передала Сапфиру вещи и присела. Хлопковая ткань тут же была разрезана на полоски, одной из которых Альвадис намеревался перевязать себе ладонь.

— Я помогу Вам! — предложила гостья.

— Да, пожалуй!

— Граф Альвадис, Вы не замечали ничего странного в замке, когда переехали сюда?

— Нет. А что Вы имеете в виду?

— Я говорю о призраках. Возможно, они обитают в особняке.

Аристократ рассмеялся.

— У Вас богатое воображение, мисс Даймонд.

— Простите. Просто мне показалась детская фигура там, возле окна.

— Вам действительно показалось, мисс Даймонд. Не забивайте себе голову!

— О чем Вы хотите со мной поговорить, граф

Альвадис?

— Вы, наверное, заметили изменения в поведении своего отца, мисс Даймонд, которые проявились в последнее время. И, верно, знаете причину его плохого настроения.

— Догадываюсь, — сконфуженно произнесла Бриллити. — С первого момента знакомства с Вами папа стал по-другому себя вести.

— Именно, — утвердительно сказал грек. — Я являюсь источником гнева Вашего отца.

— И Вы даже не отрицаете, что так отталкиваете людей, из-за чего папа сразу распознал в Вас черствую натуру?

— Дело не в этом, хотя оригинальная мысль, мисс Даймонд! Просто нелегко снова встретиться с тем, кто стал первым мужчиной его любимой женщины.

— Любимой женщины! Вы, верно, что-то путаете, граф Альвадис, — опешила Бриллити. — За всю свою жизнь папа любил только одну женщину — маму. Я никогда не слышала от него, чтобы он выезжал за границу, тем более, в Грецию.

— Я не сомневаюсь в этом, мисс Даймонд! Но я говорю не о гречанке, — намекнул хозяин дома.

— Не хотите же Вы сказать, — изумилась гостя, — что Вы когда-то соблазнили мою маму! Это нелепо и просто невероятно!

— Так уж ли невероятно?

Бриллити вздрогнула от серьезного тона аристократа.

— Но мама никогда не говорила мне, что до папы любила другого мужчину, а мы всегда были с ней близки!

— Ну, полно, мисс Даймонд! Не обо всем можно рассказывать дочери. Тем более, — грек нагнулся к собеседнице и шепотом продолжил, — о столь сокровенном и интимном.

Соседка вскочила.

— Вы лжете, — дрожа всем телом, — вымолвила она. — Папа был единственным мужчиной, которого когда-либо любила мама!

— Да, Розмари тоже пыталась убедить в этом свою мать, только миссис Бейли знала, что дочь ошибается. Но, к сожалению, не смогла вразумить её. Розмари была упрямеццей.

— Вы знали мою бабушку?

— Именно у нее и Роберта, вашего деда, я просил благословения на наш с Розитой брак.

— Почему тогда мама вышла замуж за папу, а не за Вас?

— Из жалости.

— Из жалости!?

— Ваш отец был бедным сыном священника, который жалость к своей персоне принял за любовь. А Ваша мать была слишком благородной, чтобы ответить ему отказом.

— Если бы это было правдой, я бы заметила жертву с её стороны.

— В 10 лет?

— Но она всегда выглядела счастливой! — взбунтовалась Бриллити, не замечая, что убеждает не Альвадиса, а себя.

— Выглядеть — не значит быть такой в реальности, мисс Даймонд.

— Зачем Вы говорите мне об этом?

Гостья нервно мяла свой носовой платок.

— Чтобы Вы знали, — последовал ответ.

— И Вы решили поведать мне о прошлом моей матери спустя 7 лет после её смерти!?

Сапфир поднял голову к потолку и закрыл веки.

— Мне понадобилось много времени, чтобы прийти к этому решению, — стал объяснять граф. Его голос странным образом смягчился, речь потеряла былую жесткость, исчезли неприятные нотки, которые раньше жалили слух, — Когда я узнал о смерти Розмари из письма Вашей бабушки, жар моего сердца, питаемый все эти годы лишь любовью к ней, потух навсегда. Сначала я не хотел покидать Грецию, но в день ее похорон посетил скромную могилу своей возлюбленной.

— Я не помню Вас среди пришедших в тот печальный день, — прервала тягостные воспоминания грека Бриллити, отчего он, словно

очнувшись ото сна, широко открыл глаза и посмотрел на дочь той, которая секунду назад так живо танцевала с ним на балу.

— Меня никто не видел тогда. Только когда ночь окутала кладбище, мне выпал шанс попрощаться с ней навсегда.

Слова надменного аристократа, казалось, не могли выразить всего, что таилось в его душе, поэтому на особенно важных, с его точки зрения, местах Сапфир делал ударения или нарочито растягивал предложения. Тогда его усилия заметно отражались на красивом лице: брови сдвигались к переносице, а на лбу появлялись две параллельные морщинки.

Пока грек говорил, его соседка старалась до мельчайших подробностей вспомнить мамино лицо. И ей становилось чрезвычайно обидно, если это не удавалось. Бриллити не могла себе простить, что какая-то черта самого близкого человека пропадает из памяти, даже улыбка матери мутным пятном всплывала в голове. Помимо ненависти к самой себе, дочь также укоряла Розмари в том, что та не поделилась с ней сокровенной тайной. А Бриллити была уверена в их близости.

Нет, не должны два родных человека скрывать друг от друга что-либо. Дело здесь даже не в том, что уважаемая Леди стыдилась своего прошлого. Розмари Бейли не первая и, увы, не

последняя выказала слабость перед мужчиной до брачной ночи. Однако в чем же причина такого поступка благовоспитанной девушки, христианки до кончиков волос. На этот вопрос Бриллити никак не могла найти ответа. Кто угодно, только не её мать могла совершить прелюбодеяние, отдавшись, к тому же, не тому, с кем намеревалась идти к алтарю.

Гостья взглянула на хозяина дома. Его губы шевелились, но Бриллити не слышала слов. Все её внимание занимала в данный момент лишь его внешность: красота, разительная и бесстыжая красота бросалась в глаза. Безусловно, её отец проигрывал в сравнении с Сапфиром, но ведь Розмари была незрячей. Хотя харизма этого грека могла свести с ума любую, даже слепую.

— И в день венчания Ваших родителей я покинул Англию, — прервал размышления Альвадис.

Все сказанное им было правдой, но многое умолчано, на что имелись понятные только ему основания.

— Я устала, граф Альвадис, — зевая, проговорила девушка. — Поздно, пора домой, чтобы выспаться перед поездкой.

С этими словами Бриллити встала и по привычке пошла в парадный зал. Она совсем забыла, что проникла в замок через черный ход.

Вдруг её что-то остановило. В зале на подоконнике, открывающем вид в цветочный сад, стояла старинная ваза, в которой под лунным светом красовались розы.

— Вы позволите? — подойдя к ним, спросила гостья.

— Конечно! Они великолепны, правда?

— О, да! — согласилась Бриллити, кончиками пальцев дотрагиваясь до нежных лепестков.

Она вдохнула чудесный аромат и, словно что-то вспомнив, сжала губы и посмотрела на графа. Её влажные от слез глаза изумительно сияли, но аристократ не успел заметить этот едва уловимый ангельский огонек. Его привлекла только дрожь в её теле.

— Вы явно нездоровы, мисс Даймонд! И в который раз пришли ко мне без шали.

— Простите! Мне очень понравился Ваш подарок, просто я прячу его от папы. Я хотела сказать Вам о том, что от мамы всегда исходил этот запах. Я помню его с детства!

— Да, Розмари никогда не изменяла привычке наносить розовое масло после водных процедур и перед выходом в свет. Это придавало её образу ещё больше утонченности.

— Розовое масло! Так вот, что это было!

Бриллити удивило, что грек знает интимные подробности туалета её матери, но она не